

**В. Г.
АВСЕЕНКО**

Василий Григорьевич Авсеенко

Последний вечер на даче (Петербургские очерки #23)

«Дождь льетъ цѣлый день, неутомимо и безжалостно. Пойдетъ шибче – съ четырехъ концовъ крыши низвергаются цѣлые водопады; станетъ утихать – съ деревьевъ посыпятся крупные брызги. По краямъ дорожекъ образовались канавы. Клумба съ доцвѣтающими астрами и георгинами представляетъ островъ посреди лужи. Обшитыя кумачемъ холщевыя полотнища на балконѣ намокли и повисли, какъ паруса на чухонской лайбѣ. Стекла въ окнахъ запотѣли...»

Произведение дается в дореформенном алфавите.

**Василий Григорьевич
Авсеенко**

Посл❖дній вечеръ на дач❖

Дождь льетъ цѣлый день, неутомимо и безжалостно. Пойдетъ шибче – съ четырехъ концовъ крыши низвергаются цѣлые водопады; станетъ утихать – съ деревьевъ посыпятся крупные брызги. По краямъ дорожекъ образовались канавы. Клумба съ доцвѣтающими астрами и георгинами представляетъ островъ среди лужи. Обшитыя кумачемъ холщевыя полотнища на балконѣ намокли и повисли, какъ паруса на чухонской лайбѣ. Стекла въ окнахъ запотѣли.

Уже совсѣмъ стемнѣло. Въ большой средней комнатѣ, на обѣденный столъ поставили лампу. Паръ отъ самовара валить, словно на постояломъ дворѣ. Вокругъ собралась вся семья: самъ Петръ Антоновичъ, жена его Лизвета Николаевна, дочери Вѣрочка и Маруся, сынъ Павликъ.

Послѣдній вечерній чай на дачѣ: завтра въ городъ.

– И правда, пора уже, – высказываетъ Лизвета Николаевна.

– Да вѣдь еслибъ не квартира, давно бы уже переѣхали, – говоритъ мужъ. – Сколько пришлось намучиться, вспомнить страшно.

Да съ ремонтомъ, опять, какая возня была.

– Ну, и нашель же ты квартиру, нечего сказать, – замѣчаетъ жена. – Просто даже придумать не могу, какъ мы тамъ размѣстимся.

– А гдѣ же было лучше найти? Ты бы сама побѣгала, тогда и говорила бы. Мѣсяць сломя голову по Петербургу бѣгаль. Еще слава Богу, что и такую-то нашель. Вонъ, Леонтій Ивановичъ до сихъ поръ безъ квартиры сидить. И не найдетъ, поручиться могу, что не найдетъ.

– Гдѣ-жъ онъ будетъ жить, если не найдетъ? Онъ чиновникъ, у него должна быть квартира.

– А гдѣ онъ возьметъ, когда нѣтъ?

– Не можетъ же начальникъ отдѣленія безъ квартиры остаться. Ему казенную отвѣдутъ.

– Казенную! Вѣдь можете же вы глупость такую сказать!

– Въ чемъ же тутъ глупость? Какъ же можетъ начальникъ отдѣленія безъ квартиры остаться? Къ нему, вдругъ, курьера съ пакетомъ пошлютъ, а онъ безъ квартиры!

– Слушать ваши глупости, такъ стыдно дѣлается.

– Да чѣмъ-же глупости? Вы вотъ скажите, если вы умный человекъ, куда курьеръ пакетъ сдастъ, если у чиновника квартиры нѣтъ? Куда?

– Толкуй съ вами!

– Нѣтъ, вы скажите.

– Тѣфу, пристали тоже. У чиновника адресъ долженъ быть въ экзекуторской книгѣ записанъ.

– А какой онъ адресъ запишетъ, если у него квартиры нѣтъ? Вотъ и выходитъ, что непременно должна быть квартира.

– Тѣфу съ вами! – еще сердитѣе сплевываетъ Петръ Антоновичъ, и разомъ, насасывая сквозь зубы, вытягиваетъ цѣлый стаканъ простывшаго чаю.

– Будете еще? – примирительно спрашиваетъ Лизавета Николаевна.

– Наливайте! – отвѣчаетъ мужъ какимъ-то предсмертнымъ тономъ.

Съ минуту продолжается молчаніе. Вѣра и Маруся брезгливо откусываютъ отъ огромныхъ кусковъ стригеля. Павликъ качаетъ пустой кувшинъ отъ молока.

– Въ которомъ часу подвода-то придетъ? –

спрашиваетъ мамаша.

– Въ семь утра.

– Господи, рано какъ. Признаюсь, есть съ чѣмъ торопиться: изъ шести комнатъ да въ четыре переѣзжать. Какъ подумаю, какъ намъ тамъ размѣститься, у меня и руки опускаются.

– И за четыре приходится, вотъ, сто рублей больше платить. Я-то чѣмъ виновать? А размѣститься очень просто какъ: гостиная разъ, спальная два, комната барышень три, а столовая и мой кабинетъ вмѣстѣ будутъ.

– Помилуй, Петръ Антоновичъ, что ты говоришь? Какъ-же столовая и кабинетъ вмѣстѣ?

– А также. Гдѣ я вамъ пятую возьму? Я собою первый жертвую.

– Ну, а Павликъ гдѣ-же будетъ?

– Гдѣ! Я почему знаю, гдѣ? Придумывайте сами.

– Что-же теперь придумывать? Надо было думать, когда квартиру брали. Гдѣ это видано, чтобъ родной отецъ о сынѣ не вспомнилъ? Куда-же, въ самомъ дѣлѣ, я Павлика ткну?

– Да отвяжитесь вы, что я могъ сдѣлать? Въдь знаете, я думаю, что на прежнюю квартиру пятьсотъ рублей набавили. Вы, что ли, достали бы эти деньги?

Петръ Антоновичъ начиналъ хрипѣть. Его, бѣднаго, въ самомъ дѣлѣ пожалѣть бы слѣдовало.

– Больше нечего дѣлать, какъ стелить Павлушѣ на ночь въ гостиной, – предложилъ онъ черезъ минуту. – А то и такъ можно: я буду спать въ кабинетѣ, а барышень помѣстите съ собой вмѣстѣ.

– Нѣтъ, какъ это можно! – вступилась Вѣра. – Намъ невозможно безъ особой комнаты. Мы мамашѣ мѣшать будемъ.

Всѣ опять замолчали. Общее уныніе перешло въ чувство безвыходности.

– Воля твоя, Петръ Антоновичъ, а въ гостиной Павлика невозможно помѣстить, начала снова Лизавета Николаевна. – Въдь ему заниматься надо. Вспомни, что едва только устроимся, какъ ужъ Вѣрочкины именины будутъ, надо вечеръ давать.

Петръ Антоновичъ нагнулся надъ стаканомъ. Лицо его обдало горячимъ паромъ, и онъ

весь раскраснѣлся.

– Ну-съ, что касается этихъ тамъ вашихъ вечеровъ, такъ объ этомъ мы еще подумаемъ, да-съ! – произнесъ онъ брюзжащимъ тономъ. – Еще подумаемъ, на какія такія средства мы будемъ ихъ давать!

– А какъ же не давать-то? – возразила Лизавета Николаевна. – Вѣдь онъ взрослая, имъ общество нужно. Я, напротивъ, нахожу необходимымъ расширить кругъ знакомства. Ты кажется забываешь, что старшей уже двадцать пять лѣтъ.

– Мaman! – укоризненно произнесла Вѣра.

Павликъ чему-то разсмѣялся и покрутилъ головой.

– Знаю-съ, прекрасно знаю, продолжалъ Петръ Антоновичъ. – Такъ что-жъ мнѣ, публиковать прикажете въ вѣдомостяхъ, что ли, что у меня дочери невѣсты? Ваше дѣло позаботиться, а не мое.

– Я не забочусь, что-ли? – съ возрастающей горячностью возразила Лизавета Николаевна. – Я изъ кожи лѣзу, чтобъ какъ можно больше вывозить ихъ въ люди. Но вѣдь для этого туалеты нужны, а много вы даете?

– Красть мнѣ, по вашему, что-ли? Такъ и то не зналъ бы, гдѣ.

– Я и на дачѣ всѣ силы употребляла приучать къ дому молодыхъ людей. Алексисъ Жабликовъ цѣлое лѣто чуть не каждый день у насъ обѣдалъ. Я и теперь увѣрена, что послѣ 17 сентября онъ непременно сдѣлаетъ предложеніе.

– Какъ же, сейчасъ! Корми его зимой, такъ онъ и до новой дачи будетъ каждый день ходить обѣдать.

– Папа, почему вы знаете его намѣренія! – протестовала со слезами на глазахъ Вѣра.

– А ты знаешь? – рѣзко обратился къ ней отецъ. – Вы съ сестрицей про каждого мужчину думаете, что вотъ сейчасъ посватается.

Вѣра расплакалась, Маруся надула губки.

– Я ничего не думаю, потому что пока Вѣра не выйдетъ замужъ, ко мнѣ никто не посватается, – произнесла послѣдняя.

Павликъ поддакнулъ головой. За столомъ на минуту опять водворилось молчаніе.

– Нечего сказать, очень пріятный разговоръ; и еще въ послѣдній вечеръ на дачѣ, послѣ такого прелестнаго лѣта! – промолвила

Лизавета Николаевна.

– Прелестнаго? Вотъ оно у меня гдѣ сидитъ, ваше прелестное лѣто! – отозвался мужъ, схватывая себя за горло. – Я по уши въ долги влѣзь, изъ-за вашего лѣта. Я вчера, чтобъ расплатиться съ мясниками да зеленщиками, долженъ былъ сто рублей занять. Да раньше, чтобъ за дачу отдать, двѣсти рублей занялъ. Да еще раньше, какъ вамъ навезли портнихи тряпья, пришлось полтораста рублей перехватить. – А что толку, позвольте спросить? Намозолили дочки еще пуще всѣмъ глаза, вотъ и весь результатъ. Алексиса какого-то вздумали прикармливать... А то, раньше, еще глупѣе вышло: женатаго челоуѣка за жениха приняли, мѣтки ему вышивали, заставляли меня вмѣсто ботвиньи бульонъ хлебать, потому что онъ отъ желудка оподельдокъ внутрь принимаетъ.

Павликъ фыркнулъ. Вѣрочка обмахнула глаза платкомъ, встала изъ за стола и вышла на балконъ. Маруся тотчасъ проскользнула за нею.

На балконѣ было такъ мокро, что онъ обѣ подобрали платья. Густая темень обступила

ихъ со всѣхъ сторонъ. Вдали за воротами, тускло мигаль фонарь и освѣщаль покрытое жидкою грязью шоссе.

– Вотъ, всегда такъ. Мы-же еще и виноваты, что насъ замужъ не берутъ, – сказала Вѣра, опираясь пальцами о мокрыя перила.

Отъ сырости у нея изо рта шель паръ. Маруся раскрыла губы и дышала, чтобъ посмотрѣть, будетъ ли и у нея паръ идти.

– Ужъ такъ мнѣ это опротивѣло – убѣжала бы, кабы было съ кѣмъ, – продолжала Вѣра.

– По такой грязи не убѣжала бы, – засмѣялась Маруся.

– Еслибъ было съ кѣмъ? О-о!

И это «о-о!» прозвучало такъ рѣшительно, что Маруся даже сдѣлала серьезное лицо. Въ свѣтломъ пятнѣ около фонаря обрисовалась чья-то фигура подъ зонтикомъ, медленно переступавшая по грязи. Сестры стали всматриваться.

– Это Alexis! – воскликнула вполголоса Вѣра.

– Ну, вотъ! – усомнилась Маруся. – Посмотри, у него подвернуты невыразимья.

– Онъ, онъ, я отлично вижу.

– Но развѣ Alexis станетъ подвертывать панталоны?

– Ты дура. – Мосье Жабликовъ! – осторожно окликнула Вера. – Мосье Жабликовъ! – повторила она громче.

Шлепавшая фигура остановилась, обернулась, и взглянувшись, вступила подъ ворота и пошла черезъ садикъ къ балкону.

– Мое почтенье! Какъ вы въ такую погоду на сыромъ воздухѣ? – обратился къ сестрамъ Жабликовъ.

– Отчего вы сегодня не приходили? Вы знаете, мы завтра переѣзжаемъ, – сказала Вѣра. – Ахъ, мосье Жабликовъ, какъ намъ не хочется въ городъ... Мнѣ въ особенности. Такое чудное было лѣто!

– Очень теплое, и дождей мало было...

– Я не про то. Вы меня не поняли. Но мы васъ ждали весь день. Какъ же можно не придти проститься?

– Я въ городѣ былъ, сейчасъ только оттуда. Неужели завтра? Въ которомъ часу? Я приду проститься на вокзалъ.

– Ну, что въ вокзалѣ! Я хотѣла проститься съ вами здѣсь, въ саду. Вонъ, въ той

бесѣдкѣ... Скажите, очень грязно? Все равно, я перебѣгу.

Вѣра еще больше подобрала платье и выбѣжала на дорожку. Жабниковъ подхвати-
лъ ее за талию.

– Вѣдь вы будете бывать у насъ въ городѣ?
часто? каждый день? – заговорила она, какъ
только они вѣжали въ бесѣдку.

– О, конечно... если позволите...

– Обѣдать всегда къ намъ, слышите! Но
только въ городѣ ужъ не будетъ такъ хоро-
шо... Ахъ, зачѣмъ кончилось лѣто! Зачѣмъ на-
до прощаться! Мосье Жабниковъ, слышите?
Мы должны проститься. Поцѣлуйте меня...

И она съ нерѣшительнымъ видомъ подста-
вила ему щеку. Онъ отыскалъ ея губы.
Поцѣлуи повторялись, и опять повторялись.

– Вѣра! Мама идетъ! – громкимъ шепотомъ
звала съ балкона Маруся.